

Матильда Старр

**МОЙ
НЕВЫНОСИМЫЙ
БОСС**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С77

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серийное оформление — *Ольга Жукова*

Старр, Матильда.

С77 Мой невыносимый босс: [роман] / Матильда
Старр. — Москва: Издательство АСТ, 2025. —
288 с. — (Секрет моего счастья).

ISBN 978-5-17-176138-7

Что делать, если твой новый босс совершенно невыносим, но уволиться ты не можешь? А если он к тому же настоящий красавец? Но ты уже знаешь — от начальства надо держаться подальше, а идя на работу, чувства лучше оставить дома.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-176138-7

© ООО «ЛитРес», 2025
© Старр М.
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Этот день я запомню навсегда. И не только из-за того, что тогда произошло. Просто у меня профессиональная память на даты. И десятое апреля того года вряд ли когда-нибудь из нее изгладится.

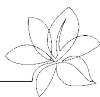
Рано утром, если быть точной, без двадцати восемь, я открыла двери приемной, то есть прибыла на свое рабочее место.

В голове крутились обычные для этого времени мысли и планы.

Значит так, проверить по ежедневнику список встреч, заказать кофе в доставке (осталась последняя пачка), обзвонить тех, с кем встречи еще окончательно не согласованы, уточнить, как дела с пошивкой смокинга, и назначить примерку, и да, конечно же, заменить цветы в вазе.

Валера, точнее, Валерий Михайлович, терпеть не может, когда цветы хоть немного несвежие, поэтому меняю я их раз в два дня. Хризантемы, непременно белые, пышный букет! Я покупаю их по пути на работу.

Только всем этим планам не суждено было сбыться. Я открыла дверь и застыла на пороге: прямо передо мной, за моим столом, восседала дама лет сорока. Ее вряд ли можно было назвать привлекательной: острые

черты лица, тонкие губы, колючий взгляд из-под круглых очков.

В ее профессии сомневаться не приходилось. Спина прямая как палка, строгий безупречно выглаженный костюм, минимум макияжа, но главное — особое выражение лица, свойственное только хорошо вышколенным секретарям, настоящим профессионалам. «Сейчас таких уже не делают». На самом деле делают и еще как! Но я не буду отвлекаться, а расскажу обо всем по порядку.

— Здравствуйте, — я не сразу смогла выдавить из себя это простое, в общем-то, слово, — а что вы тут...

— Екатерина? — Женщина сразу взяла быка за рога. — Присядьте, пожалуйста, нам нужно поговорить.

Она указала мне на диванчик для посетителей. Тот самый диванчик, на который обычно я любезно приглашала усестись тех, кого не могут принять сию же секунду.

В ее жесте было столько уверенности, что я без вопросов опустилась на диван. Так стоп, тут какая-то ерунда. Того, что сейчас происходит, просто не может быть!

Я тут же поднялась с дивана:

— Простите, а вы кто? И где Валера... Валерий Михайлович? И почему вы?..

Она сделала жест рукой: мол, сидите.

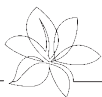
— Валерий Михайлович, должно быть, сейчас в пути. Он приходит на работу ровно в восемь. Вам ли этого не знать?

Я потянулась к сумочке, где лежал телефон:

— Я его сейчас наберу.

— Не стоит. Он попросил меня уладить вопрос с вами.

— А вы кто?

— Я его новый секретарь.

Это не укладывалось ни в какие рамки:

— Это какой-то розыгрыш? Ну так могу вам сказать, уже не первое апреля, а десятое, вы что-то перепутали.

Дама улыбнулась:

— Я никогда ничего не путаю, особенно даты. — Она вышла из-за стола, взяла стаканчик, набрала из кулера воды и подала мне. — У Валерия Михайловича кое-какие изменения. Они с супругой снова решили сойтись. В конце концов, как вам известно, их брак был построен в том числе и на твердой основе бизнес-проектов. — Она сняла очки и посмотрела на меня почти доброжелательно. — Вы должны понять, что в сложившейся ситуации держать в приемной свою любовницу оказалось бы неуместно.

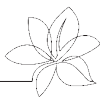
Она говорила совсем бесстрастно. Ни тени осуждения в голосе, хотя я прекрасно знала, как относятся настоящие секретари (а она, несомненно, была настоящим секретарем) к тем, кто позорит честь профессии. «Любовницу».

Противное слово. Оно звучало жутко. В нем не было места ни для чего. Ни для наших совместных поездок по делам по всему миру. Ни для того, как я не отходила от его постели, когда он заболел. Ни для восхищения, с которым он смотрел на меня в Лувре, мурлыча на ухо, что самая большая ценность в этом здании все-таки я.

То, что говорила эта женщина, звучало как приговор.

Я поднялась с дивана и разом осипшим голосом сказала:

— Я, пожалуй, пойду...

Держать спину прямо, бесстрастно и вежливо улыбаться я не перестала даже в этот момент. В конце концов, не только она здесь профессионал!

— Погодите, — остановила меня преемница. — Нам нужно решить еще кое-что. — Она протянула мне пухлый конверт. Судя по очертаниям, там были купюры. — Валерий Михайлович просил передать вам это вместе с рекомендациями: уехать и найти себе работу в другом городе. От себя могу сказать, если к нам обратятся за рекомендацией из какой-нибудь местной компании, рекомендация будет плохая. Если же из соседнего города — хорошая.

— Я поняла. — Пухлый пакет обжигал пальцы.

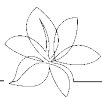
Я аккуратно положила его на краешек совсем еще недавно моего стола и вышла вон.

Я не собиралась уезжать из города. Я прикипела к нему душой, обзавелась друзьями и любимыми местами. В конце концов, он огромный, и в нем два человека могут разойтись так, чтобы вообще не встречаться!

Но нет. Похоже, моя преемница не обманула.

Со дня моего позорного увольнения прошло уже две недели. Я разослала свое резюме куда только могла. В солидные фирмы, в фирмы попроще, а потом даже в те, в сторону которых раньше и смотреть бы не стала. Но дальше собеседований дело не шло.

Потенциальные работодатели все как один сначала приходили в восторг, обещали обязательно позвонить. А потом не звонили.

Срок аренды квартиры подходил к концу, нужно было либо вносить плату, либо съезжать. И я склонялась к последнему.

Снова оказаться в чужом городе и начинать все с нуля — ужасно, но, кажется, оставаться в этом бесполезно и безнадежно.

Я аккуратно складывала вещи в чемодан. Что-что, а это я умела делать быстро и на высоком уровне. Нужно впихнуть в чемодан в три раза больше, чем туда войдет, — не вопрос! За дело берутся профессионалы!

Рядом сидела Рина и с грустью смотрела на мои манипуляции.

— Нельзя сдаваться! Если ты уедешь — значит, он победил.

Я пожала плечами:

— Он и так победил, он не мог не победить. У нас разные весовые категории...

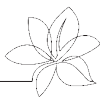
Победил... Да он даже не думал сражаться, просто смахнул меня, как пылинку с идеально чистого смокинга, и тут же забыл.

— И все равно это неправильно.

— Правильно не правильно... Это так, как есть.

Я понимала, почему Рина не хочет меня отпускать. Мы были вместе уже несколько лет. Встретились на первом курсе иняза две провинциальные девочки, да так и не расставались до последнего курса. У нее и у меня в одинаковых рамочках стоят фото: мы, еще такие юные и счастливые, сжимаем в руках красные дипломы.

А после университета мы вместе пошли на невероятно крутые курсы для секретарей. Туда конкурс был — огромный! Притом, что цены за обучение запредельные.

Зато преподаватель и бессменный руководитель Алевтина твердо гарантировала каждой выпускнице действительно хорошую работу.

Начинали обучение тридцать шесть девушек. Через год выпустились семнадцать, остальные ушли: кто-то со злостью хлопнув дверью, кто-то в слезах. Но мы с Ришкой были среди этих семнадцати.

И Алевтина сдержала обещание: нас ждала очень хорошая работа и очень достойная зарплата. За этот год я вместе со своим боссом объездила полмира, шкаф ломился от фирменных шмоток, на столике в несколько рядов стояли духи из дьюти-фри.

А уж когда выяснилось, что мой босс (нестарый еще мужчина, симпатичный, галантный и, что большая редкость, неженатый, вернее, только-только разведенный) влюблен в меня без памяти, жизнь и вовсе засияла радужными красками.

Цену этим краскам и этой «любви» я, увы, узнала несколько позже.

— Ну что присядем на дорожку, — сказала я, застегнув увесистый чемодан, четвертый и последний из имеющихся.

У Ришки глаза подозрительно заблестели.

— Может, все-таки передумаешь...

Я подошла и обняла ее:

— Нет, дорогая. Я здесь просто теряю время. Ничего хорошего меня в этом городе не ждет.

И именно в эту секунду раздался звонок, который изменил все.

Я смотрела на экран телефона и не могла поверить в то, что вижу. Алевтина. Со дня нашего выпуска она мне не звонила. Я даже не была уверена в том, что у нее сохранился мой телефон. Впрочем, что это я! Чтобы Алевтина потеряла чьи-то контакты! Это невозможно.

Я немного помедлила, прежде чем ответить.

Если честно, даже не представляла, чего можно ждать от этой женщины, особенно с учетом всего случившегося. Она примется упрекать меня в том, что я уронила честь профессии? Навсегда разжалует из секретарей? Потребуется компенсацию?

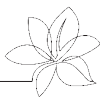
Нет, действительно, этот звонок был очень странным и тревожным. Я откашлялась, нажала на кнопку «ответить» и, как учили, с улыбкой, но не слишком широкой, чтобы не показаться несерьезной, ответила:

— Екатерина Кислицина, слушаю.

— Здравствуйте, Катя. Это Алевтина, ваш преподаватель.

— Очень приятно вас слышать снова. — Я подбежала к зеркалу, чтобы лучше контролировать, не слишком ли высоко поднимаю уголки губ.

— Я слышала, вы сейчас свободны, не работаете, — сказала она.

И я похолодела. Понятия не имею, что она об этом слышала, но вряд ли что-нибудь хорошее.

— Так и есть, — осторожно ответила я, не торопясь предоставлять ей лишнюю информацию.

Что бы там она ни выяснила про мои обстоятельства, чтобы получить от меня ответы, ей придется свои вопросы задать. Этому нас она же и учила: не говорить лишнего, дожидаться, когда выскажется собеседник, а после этого тоже не болтать, а думать, что ответить.

— Полагаю, нам нужно встретиться, завтра в 10:00 у меня в кабинете. Я вас буду ждать. Всего доброго, Катя.

— И что это значит? — спросила я растерянно, но отвечать мне было некому.

Рина, которая слышала весь этот разговор от первого до последнего слова, застыла вместе со мной. Но оправилась от шока быстрее, чем я:

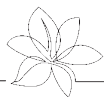
— Я думаю, это значит, что завтра в десять ты должна быть там.

— Но у меня билеты, чемоданы, я сегодня отвожу ключи хозяину!

Впрочем, зачем я это говорю? Она и так все знает.

— Билеты ты можешь поменять, переночевать у меня, вообще все, что угодно, ты можешь решить, кроме одного: если ты сейчас поссоришься с Алевтиной, не то что в нашем городе, во всей стране работы не найдешь. Пойдешь, вон, в школу язык преподавать или синхронным переводчиком, — с угрозой сказала Рина.

Если честно, я не была уверена в том, что наша Алевтина настолько всемогуща, но проверять это на собственной шкуре не хотелось.

— Хорошо, — сказала я Ришке, сегодня ночуем у тебя.

Она с удовольствием потерла ладони:

— Вот и славно. Устроим пижамную вечеринку, закажем пиццу и будем смотреть сериалы всю ночь.

— Нет, дорогая, если я явлюсь к Алевтине с кругами под глазами, она разжалует меня из секретарей навсегда.

— Ну одну киношечку, маленькую... — делано канючила Ришка, явно чтобы разрядить обстановку.

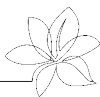
— Если только маленькую. — Я рассмеялась, и мы, подхватив чемоданы, покатали их к лифту.

Идя на встречу к Алевтине, я не ждала ничего хорошего. В последнее время жизнь подсовывала мне исключительно лимоны, и я не видела ни одной причины, почему бы ей перестать быть последовательной и чем-то меня порадовать.

Вообще-то я не склонна к тому, чтобы излишне драматизировать, такой у меня характер. Уже со школы я никогда не рыдала из-за неприятностей, а сразу начинала думать, как исправить их последствия.

То есть, притащив в дневнике двойку по нелюбимой биологии, я говорила маме: «Да, это действительно не слишком хороший результат. Но мне кажется, сейчас не время нервничать по этому поводу. Нужно подумать, как не допустить такого впредь. Я думаю, если ты мне поможешь и уделишь пару часов в день, чтобы заниматься вместе...»

Обычно к этому моменту мама начинала махать руками и говорить, что, кроме моих уроков, у нее еще

есть своя работа и куча других дел. А двойка — это исключительно моя проблема.

Я никогда не нервничала перед экзаменами, потому что продумывала все заранее. Скажем, тридцать пять билетов я знаю неплохо, по десяти в принципе могу что-то сказать, потому что они пересекаются с этими тридцатью пятью, а те пятнадцать, по которым откровенно плаваю... Ну что ж, если попадутся, у меня найдутся шпаргалки.

Да и целый год в заведении Алевтины нас учили быть готовыми ко всему. Вообще ко всему. И до сих пор я вроде бы неплохо справлялась. Но вот чего ожидать от разговора со строгой преподавательницей, я понятия не имела, а потому никак не могла к этому подготовиться. Я явилась в ее приемную ровно в десять ноль-ноль. Поздоровалась с секретарем — такой же безупречной, как и все Алевтинины выпускницы, приоткрыла дверь, улыбнулась — мило, но сдержанно, и сказала:

— Здравствуйте.

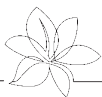
— Здравствуйте, Катя, рада вас видеть. — Она указала мне на диванчик. От этого жеста стало нехорошо — что-то похожее уже было недавно. И закончилось плохо.

— Что-то случилось? — спросила я.

— Да, вы мне нужны. Вернее, не мне. У меня есть для вас работа.

А вот это точно было неожиданно. Последнее, что я могла бы предположить, что после моего грандиозного провала (да что там провала, просто фиаско!) она захочет вновь дать мне работу.

— Скажу сразу, ваш будущий подопечный очень непростой, у него тяжелый характер, и он, как бы это

сказать, недостаточно интеллигентен. Из этих молодых людей... — Она неприязненно шевельнула рукой.

Впрочем, если бы я не знала ее хорошо, о неприязненности никогда не догадалась бы. Это подергивание пальцами обычно означало, что студентка либо несет чушь, либо делает что-то не то. По лицу Алевтины догадаться об этом было невозможно. Но «старенькие» передавали «новеньким» эту важную информацию, так что мы внимательно следили за ее руками.

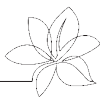
Итак, человек, на которого она предлагает работать, ей не нравится.

— Он из этих молодых людей, стремительно разбогатевших, но, увы, не получивших ни должного образования, ни должного воспитания. Сейчас ему необходимо войти в несколько иной круг. Будет хорошо, если вы поможете ему соответствовать ситуации.

Обычно Алевтина очень осторожно подбирала слова и нас учила тому же. Так что по этому ее описанию я уже представила себе своего будущего начальника: с перекошенным лицом, с руками, покрытыми наколками, с фиксой вместо переднего зуба...

От этой картины я внутренне содрогнулась, но только внутренне. Однако на лице у меня (я надеюсь!) ничего такого не отразилось. Я вежливо улыбнулась и сказала:

— Мне очень приятно, что вы обо мне вспомнили. Ваше доверие для меня — большая честь, но, к сожалению, мне придется отказаться. Дело в том, что я переезжаю. Семейные обстоятельства... Так что работа мне понадобится уже в другом городе. Прошу прощения, если отняла ваше время, — закончила я свое выступление еще одной сдержанной улыбкой.

И уже собралась подняться с дивана, как Алевтина резко, резче, чем я могла бы ожидать, сказала:

— Сядь.

От неожиданности я даже вздрогнула, и никакая выправка тут не помогла. Никогда еще она не позволяла себе обращаться к своим воспитанницам на «ты». Наоборот, всегда учила сохранять дистанцию. В работе секретаря это очень важно.

— Я знаю, что у вас произошло с Ковалевским. — Ее голос был непривычно холоден. — Неужели ты думаешь, что после этого ты найдешь себе нормальную работу, если я не буду за тебя ходатайствовать? Ну или пойдешь к кому-нибудь из этих, которые каждый месяц меняют секретарш и выбирают тех, которые лучше смотрятся в сауне в купальнике.

Угроза была более чем реальна.

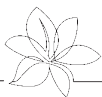
— Я переводчик по образованию, — гордо сказала я, — могу работать по специальности.

Она усмехнулась:

— Да ты хоть дворником можешь работать и даже бесплатно, но училась же ты не на это, и возможностей у переводчиков куда меньше. В общем, так. Или ты выходишь отсюда секретарем Максима Геннадьевича или забываешь о нормальной работе навсегда.

Я не сомневалась в том, что эта угроза серьезна, но все-таки молчала. Нужна была пауза. После такого жесткого заявления, обязательно должна последовать какая-нибудь плюшка, смягчающая сказанное. Я не ошиблась.

— Семь месяцев, — нарушила повисшую между нами тишину Алевтина. — Семь месяцев остается до

нового выпуска. Я найду для него другого секретаря из числа новеньких. А тебе отыщу нового босса со всеми удобствами и с хорошим характером...

Сейчас она говорила серьезно, а по тому, что я знала об этой женщине, слов на ветер она не бросает никогда. Так что жуткий Максим Геннадьевич мог оказаться моим билетом в большое будущее. Или тем самым порогом, споткнувшись о который, я расшибусь вдребезги вместе с этим самым будущим.

— Кислицина, ты же профессионал! Ты была лучшей на курсе! Ошибка, которую ты допустила, это, конечно, весьма неприятно, — пальцы снова дернулись, — но у тебя еще есть возможность доказать, что ты чего-то стоишь. Я жду твоего ответа, — сказала она все так же жестко.

— Когда приступать? — спросила я.